

Глава 10. Зазубренный шрам.

Дверь с грохотом закрылась, Мэй и Изуми ушли, оставив Юи и Ранму одних в пустом баре. Ночь была длинной, но вполне приличной. Несколько парней в хороших костюмах пришли с какого-то делового мероприятия и потратили слишком много денег. Юи открыла бутылку разливного пива открывалкой, висевшей у нее на поясе, и села на табурет. На ней была ярко-желтая мужская рубашка с длинными рукавами, расстегнутая настолько, что под ней виднелся белый камзол, и черные брюки.

– Вот что я получаю за то, что ношу каблуки в баре. – Она сняла свои желтые туфли и вздохнула с облегчением. – Ну что ты, Ран-чан. Расслабься.

Ранма опустила метлу и с тоской улыбнулась. Приятно было услышать от Укё её старое домашнее имя, пусть и от кого-то другого. Ранма на мгновение задумалась о том, что, возможно, Укё - единственная в Нериме, кто понял бы, в каком направлении пошла её жизнь. Она подошла к столу и осторожно опустилась на табурет слева от Юи, не забыв при этом поправить черную юбку.

Юи встала на подножку, перегнулась через бар и взяла пистолет с газировкой, налила Ранме напиток и протянула его ей, как пиво в салуне на Диком Западе.

– Твое здоровье. – Она подняла пиво.

Ранма звякнула бокалом о бокал.

– За здоровье! – Она была благодарна за компанию. Она была очень благодарна за место, где можно остановиться, но когда Хана и девочки уходили домой спать, иногда становилось немного одиноко.

– Знаешь, ты действительно произвела впечатление на Хану.

Ранма слегка покраснела, но в голосе ее прозвучала похвала.

– Да, я настолько талантлива, что могу наполнять контейнеры для льда и работать метлой.

Юи покачала головой.

– Не это, болван. А все остальное. То, как ты здесь прижилась. То, как ты помогла Мэй. – Она опустила взгляд на свою бутылку, слегка взболтав ее содержимое. – Ты мало рассказывала о том, каково тебе было до приезда сюда, но мы можем сказать, что это было нелегко. Ты крепкий орешек, малышка. Но для меня важно, чтобы ты знала, что тебе не нужно скрывать это, если ты не хочешь. Я, Хана, все мы здесь, чтобы выслушать тебя, если ты захочешь.

Ранма медленно кивнула, отпив еще один глоток газировки, чтобы выиграть время и решить, как ответить.

– Я ценю это, Юи. Правда. Просто... кое-что из этого вряд ли кто-то сможет понять. – Может, ты и слышала все это, подумал Ранма, но держу пари, что мысль о Дзюсенкё все еще вьется в твоей голове.

Юи тихонько вздохнула, указав на руку Ранмы своей бутылкой пива.

– Если бы мне пришлось поспорить, я бы сказала, что этот шрам на твоём запястье где-то фигурирует в этой истории.

Ранма поставила свой бокал на лакированную барную стойку и прикрыла левое запястье правой рукой, немного стыдливо опустив взгляд.

– Да, наверное, так и есть.

Юи кивнула.

– Возможно, я понимаю больше, чем ты думаешь, Ранко.

Рыжая покачала головой, её волнистые волосы колюче блестели на фоне последних остатков синяка под глазом.

– Я сильно сомневаюсь в этом.

Юи наклонила бутылку и, вылив остатки напитка в рот, отправила ее через барную стойку в мусорное ведро, надеясь, что это придаст ей немного храбрости перед тем, что будет дальше.

– Позволь мне показать кое-что. – Её голос немного утратил свою фирменную развязность. Правой рукой она потянулась к левому запястью и расстегнула манжету рукава. Затем она сделала то же самое левой рукой и закатала оба рукава до локтя. Вдоль всей нижней стороны обеих рук, от запястья примерно до половины предплечья, тянулись длинные, злые, зазубренные шрамы.

Ранма постаралась не подавать виду, но все равно вырвался слабый вздох.

– Что... что случилось?

Юи вздохнула.

– Полагаю, что-то не слишком отличающееся от того, что случилось с тобой. – Она посмотрела вдаль. – Мой отец был старшим менеджером в какой-то модной торговой корпорации в центре города. Он хорошо зарабатывал, и наша семья жила в достатке. Наша семья проводила много времени с семьей одного из его коллег-менеджеров, Ширикавас. Я очень сблизилась с их дочерью, Кимико. – Она прикусила нижнюю губу, когда имя вырвалось наружу.

– Однажды вечером, когда мне было семнадцать, наши четверо родителей ушли на спектакль, а мы с Кимико остались дома. – Она слегка фыркнула, её голос становился все более отстраненным с каждым словом. – Мама забыла билеты в театр, они пришли домой раньше и застали нас с Кимико... вместе... на диване. Мой отец был в ярости - все эти разговоры о том, что это позорит семью, что это разрушит его карьеру. Столько криков. Кими убежала домой. Отец сказал, что не может терпеть в своем доме такого... уроды, как я. Он выгнал меня из дома той ночью, только с тем, что я могла унести.

Лицо Ранмы побагровело, когда она услышала эту историю. Она начала было отвечать, но увидела, как Юи вдохнула, чтобы продолжить говорить, и уступила.

– Я шла часа три-четыре и не знала, куда идти. Я подумала, что родители Кими отнесутся к этому с пониманием и, возможно, позволят мне переночевать у них несколько дней, пока я не разберусь, что делать. – Она судорожно сжимала в пальцах подставку, чтобы не встречаться взглядом со своей собеседницей.

– Я позвонила ей домой из телефона-автомата, и мне ответил ее отец. Он сказал, что только что разговаривал по телефону с моим отцом и все знает. Я просила прощения, но он сказал, что передаст Кими трубку, чтобы она попрощалась, потому что ей больше никогда не разрешат меня увидеть. – Она слегка вздрогнула, и по ее лицу потекли слезы. – Он... он пошел за ней в ее комнату, и... – Она сдалась и позволила себе расплакаться. Это были не отчаянные рыдания, а тихая грусть, которая возникает на фоне начавшейся, но еще не затянувшейся раны. – Он нашел ее на полу рядом с пустой бутылкой из-под снотворного ее матери.

Ранма вздохнул.

– О, Юи...

– Я убила ее, Ранко. Я любила ее, и я убила ее так же верно, как если бы застрелила. И я... я не могла с этим жить. Я нашла разбитую бутылку в переулке, прямо за домом, и...» Она подняла запястья, чтобы закончить фразу, которую не смогли произнести слова. «Я должна была умереть вместе с ней в ту ночь.

Ранма ободряюще похлопала ее по руке.

– Но Хана нашла тебя?

Юи покачала головой, пытаясь перестать плакать.

– Аяко. Она обмотала мои руки своим шарфом, пока не приехали медики. Она спасла мне жизнь. Они позвонили моим родителям из больницы и в ответ услышали, что они меня не знают. Им было все равно, что случилось со мной или с Кими. Но Аяко осталась со мной, и они с Ханой привезли меня сюда, когда меня выписали.

Ранма была поражена. Что она могла ответить на такое? Хуже того, неужели Юи решила, что шрам на запястье она нанесла себе сама? Что она пыталась покончить с собой? В каком-то смысле она умерла в тот день.

Она потянулась и обняла Юи за плечи, как могла, чтобы не упасть с табурета.

– Юи, мне так жаль.

Юи слегка вздрогнула в объятиях Ранмы и принялась заново застегивать рукава.

– В любом случае. – Она заговорила без обиняков, пытаясь отвлечься от боли, чтобы вернуть себе самообладание. – Мы все носим шрамы худших дней нашей жизни, – сказала она, разглаживая манжеты, – Но мы не должны позволять им определять нас. – Она решительно кивнула, пытаясь уговорить себя вернуться из темного места, в котором позволила себе побывать. Она потянулась к барной стойке, взяла еще пива и открыла его с помощью инструмента на поясе. – Ладно, твоя очередь.

Ранма откинулся на спинку стула. Как она могла последовать за ней, особенно когда большую часть того, через что ей пришлось пройти, она не могла рассказать? Она не могла обижаться на Ранму, но сомневалась, что Юи поверит в то, что касается Джусенкё. Она могла бы доказать это, но катарсис, который она получила бы, поделившись этим опытом, не стоил мучений, связанных с тем, что ей снова придется вернуться в мужскую форму.

– Юи, я бы хотела рассказать тебе все. Но некоторые вещи... Я просто не могу сейчас. Может быть, когда-нибудь, но сейчас еще слишком рано. Но я расскажу тебе то, что смогу.

Юи кивнула.

– Не нужно себя заставлять, Ранко. Говори, что хочешь. Ничего не говорить - тоже нормально. Я просто хотела, чтобы ты знала, что я понимаю.

Ранма сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Пора танцевать интересную чечетку. Она не хотела больше лгать им, но и не была готова выпустить кота или его язык из мешка. Она не была уверена, что когда-нибудь захочет, чтобы они узнали ее настоящее имя или обстоятельства, при которых появилась эта рыжеволосая девушка.

– Итак, боже, с чего бы начать? Ну, я уже говорила, что мой папаша выдал меня замуж по расчету за ребенка своего друга. Оказалось, что на самом деле он обещал меня нескольким людям. Так что все они дрались за то, кому достанусь я, и никто не остановился, чтобы послушать, чего я хочу. Каждый раз, когда кто-то из них делал что-то сомнительное, остальные обвиняли меня, и так я постоянно попадала в неприятности, на меня набрасывались по дороге в школу, меня лапали и целовали случайные парни. Я просто пыталась понять, что мне делать с собой, понимаешь? У меня не было друзей, потому что все, с кем я могла общаться, либо хотели надрать мне задницу за то, что я не выбрала их любимого человека в мужа, либо надрать мне задницу, потому что они хотели встречаться с тем, кому я была обещана.

Юи успокаивающе положила руку на Ранму, позволяя ей продолжать.

– Одна из семей, которым я была обещана, увлекалась этими странными китайскими законами, и если я им откажу, это будет плохо для их чести. И... – Она сглотнула слюну, пытаясь найти способ сказать это так, чтобы сохранить и неясность, и самообладание. – Не то чтобы я их не выбрала - я никого не выбрала. Но им этого было недостаточно, и... они сделали мне больно. Сильно. Чтобы наказать меня. – Говорить обо всем этом без имен и полов становилось все труднее, но она продолжала. – И это... это сломало что-то во мне, что-то, что уже никогда не исправить. После этого я больше никому из них не была нужна. Даже мой отец перестал со мной общаться, потому что не мог продать меня ни за что другое, и потому что я не могла продолжить его драгоценное наследие. Я стала испорченным товаром. Мы с отцом все еще жили в семье его друга, и поэтому я находилась под одной крышей с человеком, за которого должна была выйти замуж, хотя мы больше не собирались жениться. К тому же они позволяли своему учителю боевых искусств иногда оставаться там, и он... – Она вздрогнула. – Скажем так, драки - не единственный способ, которым он любит лапать девушек. – Юи вздрогнула.

– Я не могла оставаться там и чувствовать, что единственный, кому я нужна, - это древний развратник, и быть нахлебницей, когда я не могу выполнить свою часть сделки, поэтому я ушла. Почти без денег, без плана, с двумя сменами одежды, как дура, посреди ночи. Я добралась до города, и у меня закончились деньги. Почти семь недель я спала на улице - честно говоря, я сбилась со счета, - искала работу и ничего не добилась, а потом нашла это место.

Юи вздохнула. Бедняжка. Ранко не говорила этого, но она могла читать между строк. Один из этих придурков приревновал и ранил ее так, что она больше не сможет иметь детей. Потом ее отец не смог продолжить свой род, и все женихи отказались от нее. А потом она, должно быть, попыталась покончить с собой. Отсюда и шрам. Этого она не сказала, но Юи была уверена в правильности своего предположения. Ей хотелось, чтобы отец Ранко вошел в бар прямо сейчас. Может, она и не была таким бойцом, как Ранко, но при первой же возможности набила бы этому ублюдку морду бейсбольной битой.

Юи крепко сжала руку Ранмы в своей.

– Мы рады, что ты нашла нас, Ранко. Очень рады. Я не могу понять, почему ты никому не нужна, но я знаю, что ты нужна нам. Посмотри на меня. Послушай меня. Ты желанна. Ты заслуживаешь внимания. У тебя есть люди, которые заботятся о тебе.

Ранма насмешливо хмыкнула и отвернулась к задней стене бара, смущенно покраснев.

– Я не знаю обо всем этом...

Юи выпустила ее руку, вместо этого крепко взяв Ранму за подбородок и физически повернув ее голову, пока не установила зрительный контакт.

– Скажи это.

Рыжая удивленно моргнула.

– Что сказать?

Юи повторила, уже более твердо, все еще держа подбородок под контролем. Она твердо решила, что ее юная протеже усвоит это. Она хотела, чтобы Ранко извлекла урок из своих несчастий.

– Ты желанна. Ты достойна. У тебя есть люди, которые заботятся о тебе.

Ранма покраснела, сочтя это упражнение немного глупым.

– Ладно. Да. Я знаю.

Юи покачала головой.

– Скажи это, Ранко. Вслух. Ты должна услышать, как ты это говоришь. Если ты скажешь это мне сейчас, тебе будет гораздо легче говорить это себе в те дни, когда все на свете тебе лжет. Скажи это.

Глаза Ранмы расширились. Черт, она говорила серьезно. Она опустила глаза, немного смущенная тем, что участвует в этом ритуале.

– Я... я желанна?

Юи кивнула.

– Да, ты желанна. Что еще?

Неуверенный, похожий на мычание голос Ранмы с трудом справился со следующим вопросом.

– Я достоин... достойна?

Юи снова ободряюще кивнула.

– Чертовски верно. А что еще?

Сейчас, и только сейчас, Ранма смогла поднять глаза и встретиться взглядом с Юи.

– У меня есть люди, которые заботятся обо мне.

Юи крепко обняла ее.

– И не смей забывать об этом, Ранко. Никогда.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/102138/4080065>